

Глава 1315: Внутренняя борьба!

Глубоко в сознании Ван Чуна он ничего не видел и ничего не слышал. Был только бесконечный лед и огонь, вместе с темным и холодным океаном.

-... Ты не проиграешь!

- Несмотря ни на что, ты никогда не уступишь!

Когда Ван Чун переключался между льдом и огнем, он внезапно услышал теплый и нежный голос, звучащий в его голове снова и снова. Как будто он внезапно нашел сухую землю среди этого темного океана, и разум Ван Чуна успокоился.

- Цицинь!

После произнесения этого имени Ван Чун больше ничего не знал.

.....

По прошествии, казалось, одной секунды и бесчисленных лет, Ван Чун наконец вышел из темноты, тихо кашляя, и очнулся.

- Чун-эр, ты наконец очнулся!

Когда Ван Чун медленно открыл глаза, его мать обняла его и начала плакать.

- Мама! Старший Дядя!

Вид этих двух знакомых фигур заставил сердце Ван Чуна испытать тепло.

- Чун-эр, ты наконец очнулся!

Ван Гэн выступил вперед и помог Ван Чуну подняться с глубоким беспокойством в глазах.

Когда Ван Чун сел, он осмотрел комнату и сразу заметил несколько знакомых фигур. Присутствовали Су Шисюань, Сюй Кейи и Чжан Цюэ, все они были рады видеть, как Ван Чун очнулся, но чувствовали себя неловко и стыдно.

- Милорд, вы наконец очнулись!

Цвет лица Ван Чуна был очень плохим, а тело казалось довольно слабым, но по крайней мере

он очнулся от комы. Это была лучшая новость, которую они когда-либо слышали, и все этому обрадовались.

- Вы все.

Ван Чун кивнул людям, собравшимся в комнате.

- Ваше Высочество, мы сожалеем!

Все почувствовали сожаление, увидев слабое состояние Ван Чуна.

- Если бы не мы, все бы не получилось так!

- Хех, это не имеет к вам никакого отношения. От начала и до конца это все из-за меня.

Ван Чун покачал головой с удивительно спокойным выражением лица.

Но спокойное выражение лица Ван Чуна только еще больше беспокоило его мать, его старшего дядю, Сю Кейи, Су Шисюаня, Сюэ Цяньцзюня и других. Он просто был слишком спокоен.

Однако Ван Чун не дал им возможности задавать вопросы.

- Достопочтенная мама, кто приходил, когда я был без сознания?

- Король Сун, лорд Чжанчжоу, а также старейшина Е и старейшина Чжао. - сказала мать Ван Чуна, улыбнувшись.

Ван Чун был озадачен, но быстро собрал свои чувства и улыбнулся своей матери.

- Мама, я знаю, что ты беспокоишься, но расслабься: я в порядке.

Бум!

Пока он говорил, громкий гул неожиданно раздался из-за пределов имения. Все напряглись от этого шума, но Ван Чун только моргнул.

- Ка, Чун-эр, ты только что очнулся, и твое тело очень слабое. Ты должен отдохнуть. Невестка, мы уйдем. Дай Чун-эру побыть в покое, - сказал Ван Гэн матери Ван Чуна, затем бросил взгляд на Сюя Кейи и остальных.

Ван Чун только что очнулся от комы и был в депрессии. Никто не знал, что произойдет, если он снова услышит протестующие толпы снаружи.

- Ваше Высочество, мы сейчас уйдем!

Су Шисюань и другие выглядели испуганно и встревоженно, и поспешили удалиться.

- М-м!

Ван Чун лишь кивнул и больше ничего не сказал.

Несколько мгновений спустя комната опустела, и вскоре после этого шум на улице угас.

Ван Чун в оцепенении сидел на своей кровати. Через некоторое время Ван Чун наконец встал и подошел к окну.

Через окно он мог видеть, что небо было темным и покрыто густыми облаками.

Ван Чун безучастно смотрел в небо.

Он не заметил, что фигура на крыше здания возле семейной резиденции Ван смотрела на окно и молча наблюдала за ним через окно.

Свуш!

Мгновение спустя человек спустился с крыши и моргнул.

Этот человек бежал по улицам, кружил взад и вперед, чтобы никто не следовал за ним. Наконец, человек в черной одежде вошел в роскошное и грандиозное поместье через неприметные задние ворота.

Он прошел по скрытому проходу в темный зал. Внутри некий человек молча ждал, его черты были скрыты в тени. Но было возможно видеть то, что носил человек.

Человек был одет в гражданскую одежду и в шарфовую шляпу. Однако, стоя там, он источал ауру безграничной власти.

Человек в черной одежде встал на колени на землю и с уважением сказал:

- Милорд, мы только что узнали, что мальчик из клана Ван наконец-то несколько минут назад очнулся!

Бузз!

Атмосфера в зале внезапно изменилась, обострилась и наполнилась опасностью.

- Мальчик еще не умер?

Человек в шарфовой шапке прищурился, его голос был полон убийственных намерений.

- Но я заметил, что, хотя он очнулся, он как будто только что излечился от серьезной болезни, и его цвет лица довольно плохой. Кроме того, мы исследовали того Императорского Врача, который лечил его. Врач сказал, что звездная энергия в его теле находится в беспорядке, и внутри есть по крайней мере сто различных видов звездной энергии, которые могут вспыхнуть в любой момент. - сообщил стоящий на коленях человек.

- Ой?

Фигура в темноте, казалось, очень обрадовалась этой новости.

- По крайней мере, сто? Отлично! Сообщите этим людям, что они должны нанести удар!

Его голос был ледяным и острым, как меч.

- Мальчик, тебе действительно повезло! В таком юном возрасте ты стал Королем Зарубежных Земель и бросил весь мир в хаос, даже заставив выйти Мастера Чжу. Тебе нельзя больше продолжать. Поскольку ты не был разумен, я просто отправлю тебя в преисподнюю!

Голос был настолько зловещим, что даже стоящий на коленях человек в черной одежде не мог не дрожать.

Через несколько мгновений человек с шарфовой шляпой исчез из зала, как и человек в черной одежде.

.....

Ворота семейной резиденции Ван оставались плотно закрытыми. После того, как Ван Чун был лишен своих официальных постов и подвергся критике со стороны Мастера Чжу, чиновники двора почти все решили держаться подальше от поместья. Тем временем, одна толпа демонстрантов за другой атаковала резиденцию семьи Ван, и, хотя Су Шисюань и другие использовали городскую гвардию, чтобы помешать Ван Чуну понять это, было просто невозможно не допустить их всех.

Однако Ван Чун, похоже, забыл обо всем. Он начал жить мирной жизнью, отложив в сторону все вопросы, касающиеся Императорского Двора, границы и конфуцианской секты. Ван Чун проводил каждый день за едой, чаем и сном в очень упорядоченной рутине. Он даже болтал и шутил со слугами, выглядя очень обычно.

Ван Чун не обсуждал дела Императорского Двора. Но все это только заставляло окружающих его людей еще больше волноваться.

- Доктор, какова ситуация с моим сыном?

В другой комнате поместья мать Ван Чуна, его Старший Дядя и его подчиненные созвали собрание, с глубоким беспокойством в глазах.

- Ах! Его Высочество кажется нормальным, а его пульс устойчивым, но пока вопрос не будет решен, он не восстановится. Учитывая глубокую депрессию Его Высочества, звездная энергия внутри его тела может представлять еще большую опасность!

Вздыхнул Бородатый Императорский врач.

Императорский Дворец был домом для многих экспертов, и врач не просто лечил обычных горничных, супругов и наложниц. Он лечил грозных мастеров боевых искусств, Принцев, их слуг, Императорскую гвардию и королей. Такие Императорские врачи имели глубокое понимание боевого пути.

Слова доктора заставили всех в комнате глубоко нахмуриться. Конфликт между милитаристами и конфуцианцами зашел далеко, и они никак не могли его разрешить.

Все погрузились в безмолвную мысль.

.....

Пока все остальные волновались о том, что делать, в своем кабинете Ван Чун был одет в повседневную одежду, пояс был небрежно обвязан вокруг его талии. Он оказался очень беззаботным и естественным.

Положив лист бумаги, Ван Чун взял свою кисть и стал небрежно писать.

Выражение его лица было мягким и совершенно не затронутым внешним миром.

- Что касается весны, и погода мягкая и солнце яркое, озеро спокойное и гладкое, отражающее солнечный свет, огромный темный лист, покрывающий огромные расстояния. Чайки скапливаются на земле и снова поднимаются в небо, пока серебристая рыба плавает в водах1...

Это была ода весне, и Ван Чун забыл, где он ее читал. Он писал только то, что его интересовало в данный момент.

Возможно, из-за того, что он пережил так много всего, ум Ван Чуна постепенно успокоился, и его каллиграфия перестала быть неуклюжей и детской, какой была во время инцидента с супругой Тайчжэнь. Теперь в ней был внушительный, устойчивый и достойный аромат, отточенный многими трудностями, и он, казалось, держал свою кисть, как лезвие.

Во время домашнего ареста Ван Чун использовал каллиграфию, чтобы скоротать время и смягчить свои эмоции.

- Берега полны травы и орхидей. И когда туман полностью рассеивается, яркая луна сияет через тысячу ли. Когда волны беспокойны, вода струится золотом, а когда озеро безмятежно, как будто монета погружена в воду...

Ван Чун продолжал писать, очевидно, полностью погруженный в свою каллиграфию.

-... Если они волнуются как при дворе, так и после выхода из него, как они могут быть счастливы? Надо сказать: «Будьте первыми, кто беспокоится о заботах страны, и последними, кто будет радоваться ее радостям!»

Когда он писал эти последние две строчки, он как будто был зарезан. Клак! Кисть выпала из его руки. Ван Чун внезапно осознал, что он пишет не какие-либо стихотворения этой эпохи, а что-то из глубин своих воспоминаний, эссе, написанное человеком из другого мира.

---

1. Строки взяты из прозаического эссе «Памятник Башне Юэян», написанного Фаном Чжунъяном, чиновником династии Северная Сун, который жил с 989 по 1052 год. Башня Юэян - это башня на берегу озера Дунтин, именно это озеро упоминается в отрывке.

1. Это предпоследняя строчка «Мемориала Башне Юэян», и, очевидно, самая известная.

<http://tl.rulate.ru/book/3937/1005509>